

Максимов Александр Яковлевич

**На Далеком Востоке. Полное
собрание сочинений**

Книга 9

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А46

А46 **Александр Яковлевич М.**
На Далеком Востоке. Полное собрание сочинений: Книга 9 / Максимов Александр Яковле-
вич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 270 с.

ISBN 978-5-519-94877-7

ISBN 978-5-519-94877-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

секундой звуки эти ближе и ближе; яснѣе и отчетливѣй раздаются въ морозномъ воздухѣ... Вотъ уже слышно, какъ вдали звенятъ, то бойко, то захлебываясь, то совсѣмъ замирая, звучные колокольцы, подобранные въ терцію. Изрѣдка уже доносятся топотъ и фыркание лошадей. Рѣзкій скрипъ полозьевъ сливается съ мелодичными звуками колокольчиковъ и нарушаетъ ихъ своеобразную гармонію. Встревоженные хищники сполошились и шарахнулись въ чашу, утопая въ рыхломъ снѣгу.

II.

Въ открытой, рогожаной кошевѣ сидятъ двое; мелкій торговецъ Коркинъ, бородатый мужчина, плотно закутавшійся въ лисью шубу, и мальчикъ лѣтъ десяти, племянникъ Коркина, бережно завернутый въ громадный бараній тулупъ, повидимому, съ отцовскаго плеча, крѣпко стянутый, чуть ли не подъ мышками, безконечнымъ краснымъ кушакомъ. На узкомъ облучкѣ пригнулся какъ-то бокомъ, въ полуоборотъ къ сѣдокамъ коренастый, плечистый ямщикъ, въ мохнатой козьей дохѣ и енотовомъ малахѣ. Ямщикъ, видимо, вполне доволенъ всѣми: и разговорчивыми сѣдоками, и собой, и своею лихою тройкою. Изрѣдка покрикивая на лошадей, онъ ведетъ бойкую рѣчь, постоянно мѣняя темы разговора и съ удивительною легкостью перебрасываясь мыслями съ предмета на предметъ:

— Лучше моей тройки въ цѣлой округѣ не сыщешь: конь къ коню на подборѣ... Стоить лишь крикнуть имъ: милые выручайте!.. и кнута не надоть: птицей легкокрылой полетятъ... А ты, купецъ, кунгурцевъ знаешь?.. Не знаешь?.. Это мѣщане изъ города Кунгура: одно слово—пропащій народъ. Ну, и мазурики же они ловкіе: такихъ мазуриковъ во всей Москвѣ не сыщешь... Вырѣзать задокъ у тарантаса, сорвать съ воевъ, налетомъ, нѣсколько мѣстъ чаю или иного товару—это ихъ

дѣло!.. А гляди, лѣсъ-то нашъ какой!.. Ты, поди, и во снѣ такого не видалъ?..

— Не видалъ,—согласился бородачъ, зорко поглядывая по сторонамъ, не то съ любопытствомъ, не то съ затаеннымъ страхомъ.

— То-то!..—самодовольно усмѣхнулся ямщикъ.— Наши лѣса—благодать. Такихъ лѣсовъ, почитай, нигдѣ не сыщешь...

— А разбойники и волки есть въ нихъ?—раздался трепещущій голосъ мальчугана.

Въ этомъ неожиданномъ вопросѣ слышалась дрожая нотка какой-то душевной тревоги, навѣянной фантастическимъ видомъ дремучаго бора.

— Полно, Ванюша, пустяки говорить... Какіе тутъ вдругъ разбойники?.. Да и волковъ, вѣроятно, ужъ всѣхъ извели разные охотники,—успокоительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то неувѣренно проговорилъ бородачъ, продолжая озираться.

— Э... эхъ, купецъ, охота тебѣ выдумывать, прости за мужицкое слово, разную канифоль!—съ укоризной обратился ямщикъ къ сѣдоку.—Положимъ, правъ ты, что разбойниковъ теперича въ этакую зимнюю стужу нѣтъ пока, а волковъ—сколько хочешь; хоть лопатами ихъ отгребай... И лютые, скажу тебѣ, въ нашихъ лѣсахъ волки! Сколько разнаго скота и людей поѣли—не сосчитаешь, право!..

— А на проѣзжихъ нападаютъ они?—тревожно спросилъ бородачъ, нащупывая въ боковомъ карманѣ шубы ручку крупнаго револьвера, пріобрѣтеннаго по случаю отъ какого-то встрѣчнаго офицера, возвращавшагося изъ Сибири въ Петербургъ.

— Не случилось этого... Даже не пришлось слышать объ этомъ... Волкъ, милый человѣкъ, рветъ больше пешехода, которому оборониться нельзя, да, окромя того, на гуляющую скотину нападаетъ... Прозѣвалъ ты малость, а ужъ волки тутъ какъ тутъ, по-своему расправляются...

— Почему же волки проѣзжихъ не трогаютъ?— удивился бородачъ, испуская изъ стѣсненной груди вздохъ облегченія.

— Знать хочешь, почему?.. Изволь, милый человѣкъ, скажу,—началь-было ямщикъ благодушно поучать проѣзжаго, но лѣвая пристяжная вдругъ отвлекла его вниманіе.—Не шали!—прикрикнулъ онъ съ внезапнымъ озлобленіемъ на широкогрудаго сѣраго жеребца, который, неожиданно ослабивъ постромки, сталъ, съ чего-то, энергично нажимать на коренника, точно сисясь спихнуть его съ дороги.

— Не шали!—повторилъ свой озлобленный окрикъ ямщикъ, и въ воздухѣ раздался рѣзкій ударъ кнута.

Жеребецъ стремительно вытянулъ постромки, но все еще продолжалъ наваливаться на оглоблю, искоса поглядывая въ лѣсную чащу.

— Что съ нимъ?—робко спросилъ бородачъ, начавшій опять трусить.

— Волковъ почуялъ,—какъ-то глухо отвѣтилъ ямщикъ, подбирая вожжи, и тотчасъ же добавилъ, какъ-бы въ оправданіе жеребца:

— Конь онъ молодой, небывалый еще—ему и боязно оттого...

— Ахъ, дядя, мнѣ страшно!—вскрикнулъ вдругъ Ванюша, крѣпко прижимаясь къ бородачу.—Страшно!..

И мальчикъ зажмурилъ глаза.

Этотъ внезапный крикъ произвелъ на Коркина сильное впечатлѣніе. Онъ весь затрепеталъ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу, а въ сердцѣ появилась щемящая боль, точно оно попало въ какіе-то тиски.

— Ишь, малышь-то, тоже испугался,—разговорился опять ямщикъ, озираясь по сторонамъ.—Чуетъ, вѣрно, онъ, что волки въ лѣсу сидятъ и зубами на насъ щелкаютъ!.. Пуцай пощелкаютъ. Какъ ни охочи они до человѣческаго мяса, а все колокольцовъ опасаются... Давно бы уже напали на насъ, кабы не колокольцы...

И чего они этихъ самыхъ колокольцовъ пужаются—самъ не знаю, да и никто, почитай, не знаетъ...

— Гляди!—съ ужасомъ перебилъ Коркинъ ямщицкую рѣчь, указывая лѣвой рукой на лѣсную опушку.— Гляди, два волка сидятъ!

И, ухватившись невольно другой рукой за револьверъ, онъ потащилъ его изъ кармана.

— Пушай себѣ сидятъ!—съ напускнымъ ухарствомъ отозвался ямщикъ, наматывая на рукавицы вожжи.— Эй, вы, милые, выручайте!—неожиданно крикнулъ онъ на лошадей, упираясь грудью въ высокій передокъ кошевы.

Тройка мгновенно вытянулась и понеслась вскачь, взметывая копытами тучи снѣжной пыли. Отполированные полозья рѣзко завизжали. Колокольцы забили дробную тревожную трель... Ванюша, не открывая глазъ, плотно прижался къ бородачу. Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, вдругъ охватившаго все его молодое, нѣжное существо, онъ замеръ въ необъяснимомъ, мучительномъ ожиданіи чего-то невообразимо страшнаго и неотвратимаго...

III.

Спустя нѣсколько секундъ, тройка поравнялась съ двумя хищниками, смѣло вышедшими изъ чащи на дорогу, какъ бы для рекогносцировки. Ихъ горящіе, какъ раскаленные уголья, глаза слѣдили за кошевой съ жаднымъ любопытствомъ, подстрекаемымъ нестерпимымъ голодомъ. Злобно щелкая зубами, волки, казалось, ждали только удобнаго момента, чтобы отчаянно ринуться на лошадей или людей. Они были совсѣмъ близко, всего въ двухъ-трехъ шагахъ...

Близость эта произвела на Коркина подавляющее впечатлѣніе, и въ то мгновеніе, когда два хищника совсѣмъ приблизились, онъ безотчетнымъ движеніемъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и сдѣлалъ, не цѣ-

лясь, два выстрѣла. Одинъ изъ волковъ высоко подпрыгнулъ, точно подъ нимъ вдругъ развернулась могучая пружина, перевернулся въ воздухѣ и съ размаху шлепнулся спиной въ рыхлый снѣгъ. Раздался ужасный вой, на который тотчасъ же отозвались всѣ притаившіеся хищники. Дремавшій лѣсъ ожилъ и огласился дикими завываніями, потрясавшими душу и сердце.

— Теперь бѣды не миновать!—отчаянно закричалъ ямщикъ.—Голубчики, выручайте! Милые, выручайте!.. Э-эхъ, купецъ,—обратился онъ съ свирѣпымъ упрекомъ къ Коркину:—кой чортъ дернулъ тебя палить?.. Говорилъ тебѣ: не замай... Ну, а теперь пропали мы! Не отстанутъ, окаянные, какъ крови попробовали... Милые, выручайте!.. Не отстанутъ!..

Дѣйствительно, цѣлая стая волковъ, выскочивъ изъ лѣса и почти мгновенно растерзавъ раненаго товарища, уже неслись вдогонку за кошевой. Свѣсивши на сторону окровавленные языки, хищники мчались съ поразительною быстротою. Разстояніе между ними и кошевой сокращалось съ каждой секундой, несмотря на головоломную скачку обезумѣвшей тройки, инстинктивно чувявшей страшную опасность. Волки преслѣдовали тройку съ остервенѣніемъ и упорствомъ. Повидимому недавняя кровавая трапеза привела ихъ въ то состояніе, при которомъ даже самый трусливый звѣрь становится отважнымъ до безумія и смѣлымъ до наглости.

Коркинъ слѣдилъ за гигантскими прыжками хищниковъ съ невыразимымъ ужасомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ отчаянною рѣшимостью продать свою жизнь какъ можно дороже. Держа наготовѣ револьверъ, онъ ждалъ только удобнаго момента, чтобы поразить шальной пулей какого-нибудь ближайшаго волка, но моментъ этотъ, какъ-то, постоянно ускользалъ. Уже нѣсколько разъ онъ цѣлился то въ одного, то въ другого звѣря, изъ числа особенно насѣдавшихъ на кошеву, но все не могъ спустить курокъ даже съ малѣйшею увѣренностью на удачный выстрѣлъ. Въ помутившихся гла-

захъ Коркина стоялъ какой-то невообразимый хаосъ. Среди едва проглядной снѣжной мглы хищники представлялись чудовищными, неувимыми тѣнями, то исчезающими неизвѣстно куда, то вновь появлявшимися совершенно съ противоположной стороны. При всемъ этомъ, кошева такъ подпрыгивала на ухабахъ, съ такою стремительностью перебрасывалась съ боку на бокъ, что надо было очень крѣпко держаться за нее, чтобы не вылетѣть прямо въ раскрытыя пасти волковъ. Стрѣлять при такихъ условіяхъ можно было только зря и наугадъ, но на такую безцѣльную стрѣльбу Коркинъ пока не рѣшался, вслѣдствіи ничтожнаго запаса патроновъ. Онъ берегъ пули до крайняго случая. Надвигавшаяся опасность еще не окончательно помутила его разсудокъ, и онъ достаточно ясно сознавалъ что очень скоро придется сойтись съ хищниками грудь съ грудью, что приближается рѣшительный моментъ, когда заряженный револьверъ можетъ оказать спасительную услугу. Съ напряженными донелзя нервами, онъ ждалъ этого момента, какъ вдругъ раздался злобный крикъ ямщика, который все оглядывался на преслѣдовавшую стаю волковъ:

— Чего не палишь!?. Началъ палить, такъ пали!.. Бей ихъ, окаянныхъ!.. Не зѣвай!.. А то какъ разъ впередъ забѣгутъ и на лошадей бросятся... Пали, говорятъ тебѣ толкомъ!.. Пали!..

Этотъ неожиданный крикъ былъ каплей, переполнившей нервное напряженіе Коркина. Онъ разомъ впалъ въ какое-то полубезсознательное состояніе, не позволявшее ни думать, ни разсуждать. Онъ утратилъ силу воли и съ поразительною покорностью подчинился рѣзкому требованію ямщика. Началась положительно шальная стрѣльба по волкамъ, бѣшено прыгавшимъ на довольно близкомъ разстояніи отъ кошевы. Рѣдкій выстрѣлъ достигалъ своей цѣли, поражая того или другого хищника, случайно подвернувшегося подъ пулю. Разъ какой-нибудь звѣръ падалъ, остальные съ остерве-

нѣнїемъ набрасывались на раненаго товарища и почти мгновенно разрывали его на клочья. Послѣ короткой кровавой свалки, волки вновь, съ поразительною настойчивостью, пускались въ погоню за кошевой, не обращая вниманія на револьверные выстрѣлы.

— Пали, пали!—дико поощрялъ ямщикъ совершенно растерявшагося сѣдока.—Бей ихъ, окаянныхъ, бей! .

И Коркинъ палилъ съ лихорадочною, безсознательною послѣдностью. Уже нѣсколько разъ ему пришлось перезаряжать револьверъ, а волки, не уменьшаясь въ числѣ, продолжали свое яростное преслѣдованіе. Нѣкоторые звѣри уже были такъ близко, что ясно доносилось до кошевы ихъ прерывистое дыханіе... Но выстрѣлы вдругъ смолкли.

— Пали, пали!—завонилъ ямщикъ въ какомъ-то дикомъ изступленіи.

— Патроновъ больше нѣтъ,—прохрипѣлъ Коркинъ упавшимъ, глухимъ голосомъ.

— У, чортъ этакой!—сталъ неожиданно ругаться ямщикъ съ свирѣпымъ видомъ.—Дьяволъ ты, окаянный!.. Зачѣмъ тогда палилъ, коли запасу порохового нѣту?.. Изъ-за тебя, окаяннаго, погибать теперь приходится... Ну, нѣтъ, шалишь!.. Шалишь!.. Не хочу помирать страшной смертью!.. Бросай..

Ямщикъ на секунду смолкъ, точно поперхнулся чѣмъ, но затѣмъ взвизгнулъ съ какимъ-то безумнымъ ожесточеніемъ:

— Бросай малыша-то!.. Волки безпремѣнно отстанутъ... Имъ только человѣчьяго мяса охота попробовать... Говорятъ тебѣ, бросай!..

— Выдумаль что!?!.. Бога ты не боишься!—съ ужасомъ простоналъ Коркинъ, прижимая къ себѣ племянника.—Мать ждетъ сына на праздникъ, а я его на сѣденье звѣрямъ брошу... Не извергъ я, не убійца!..

— Голубчикъ, дяденька, миленькій, спаси меня, спаси!—замолилъ вдругъ Ванюша, судорожно цѣпляясь за шубу бородача.

— Бросай, бросай!—настойчиво, съ угрозой твердилъ ямщикъ... Смотри, поздно будетъ!.. Сю минутку волки на лошадей насядутъ и всѣхъ въ клочья разнесутъ... Бросишь малыша—спасемся; не бросишь—лютой смерти не миновать... Бросай, а не то самого выброшу изъ кошевы!

И ямщикъ съ угрожающимъ видомъ обернулся къ сѣдокамъ. Въ этотъ моментъ подскочилъ къ самой кошевѣ громадный волкъ и однимъ махомъ вцѣпился острыми зубами въ приподнятый воротникъ Коркина; Тотъ положительно осатанѣлъ отъ этого неожиданнаго нападенія и съ безумнымъ крикомъ рванулся впередъ. Смѣлый хищникъ не выдержалъ подобнаго стремительнаго движенія своей жертвы и кубаремъ полетѣлъ на дорогу, не выпуская изъ крѣпко стиснутыхъ зубовъ вырваннаго клочка воротника. Среди стаи волковъ произошелъ незначительный переполохъ, но вскорѣ они опять дружно бросились преслѣдовать кошеву, все нароя вскочить въ послѣднюю то съ одной, то съ другой стороны. Два хищника забѣжали даже впередъ съ явнымъ намѣреніемъ вцѣпиться въ лошадей. Смертельная опасность, казалось, была неотвратима.

— Бросай малыша живѣй, пока время не ушло!.. Бросай, а не то самъ вылетишь!—съ прежнимъ ожесточеніемъ ревелъ ямщикъ, дѣлая угрожающее движеніе по направленію къ Коркину.

Тотъ отшатнулся въ глубь кошевы и съ невыразимымъ ужасомъ простоналъ:

— Не могу... не брошу... Самъ... самъ бросай...

— Дяденька, голубчикъ, миленькій, спаси меня!— продолжалъ молить Ванюша, замирая отъ страха и инстинктивно прячась за спину дяди.

Ямщикъ потянулся за мальчикомъ, стараясь поймать его за ноги. Коркинъ не шелохнулся, чтсбы защитить племянника. Его вдругъ охватило чувство, превращающее человѣка въ звѣря. Ему хотѣлось жить, жить во что бы то ни стало. Призракъ мучительной

смерти заглушилъ въ немъ все честное, хорошее и доброе, превратилъ его въ чудовище готовое, ради собственнаго, хотя бы даже призрачнаго спасенія, на самое возмутительное преступленіе. Коркина не тронули отчаянные мольбы племянника: онъ былъ къ нимъ совершенно глухъ. Сердце его, какъ будто, мгновенно зачерствѣло и обратилось въ камень. Ямщикъ между тѣмъ, уже успѣлъ поймать мальчика за ногу и, несмотря на его сопротивленіе, выбросилъ его изъ кошевы...

Волки безпорядочной толпой накинудись со всѣхъ сторонъ на свою жертву... Воздухъ огласился пронзительнымъ крикомъ, ударившимъ, точно острымъ ножомъ, въ самое сердце Коркина. Нервы послѣдняго не выдержали. Съ безумнымъ воплемъ, съ искаженнымъ отъ невыразимаго ужаса лицомъ, кинулся Коркинъ на дно кошевы и неожиданно разразился страшными рыданіями...

IV.

Волки, увлекшись ожесточенной борьбой за лакомый кусокъ, какъ будто забыли о кошевѣ, но, впрочемъ, не надолго. Едва взмыленная тройка успѣла промчаться двѣ-три версты, какъ хищники вновь стали наѣдать на нее еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ. Напрасно ямщикъ гналъ лошадей, напрасно немилосердно хлесталъ ихъ то кнутомъ, то вожжами. Несмотря на бѣшенный бѣгъ тройки, разстояніе между нею и волками замѣтно сокращалось, а до города оставалось еще не менѣе пяти верстъ.

«Успѣемъ ли доскакать?—загвоздилъ въ воспаленномъ мозгу ямщика жгучій, мучительный вопросъ.— „Успѣемъ ли!?“»

И ямщикъ вновь оглашалъ лѣсъ самымъ отчаяннымъ крикомъ, постепенно затихавшимъ отъ судорожной хрипоты:

— Милые, выручайте!.. Голубчики, выручайте!..

Изрѣдка онъ оглядывался и съ безумнымъ ужасомъ замѣчалъ, какъ быстро настигали тройку хищники, разлакомившіеся, повидимому, человѣческой кровью.

Лошади продолжали нестись стрѣлою, не зная усталости. Страхъ окрылилъ ихъ, придавъ имъ какую-то сверхъестественную силу. Кошева, окутанная льди-стою пылью, бѣшено ныряла въ ухабахъ, едва не опрокидываясь на раскатахъ и поворотахъ. Только благодаря широкимъ, крѣпкимъ отводамъ, она стойко выдерживала безумную скачку. Визжа полозьями, она металась изъ стороны въ сторону, бороздила дорогу то однимъ, то другимъ отводомъ, вновь выпрямлялась, а черезъ секунду опять норовила опрокинуться.

Деревья и телеграфные столбы мелькали мимо кошевы съ поразительною быстротою. Гигантскія тѣни, легшія фантастическими узорами на сверкающую снѣжную пелену, казалось, ожили и неслись вслѣдъ за обезумѣвшей тройкой, тщетно силившейся уйти отъ кровожадныхъ враговъ, число которыхъ не убывало. Напротивъ, съ каждой минутой къ преслѣдовавшей стаѣ примыкали новые и новые хищники.

Коркинъ ничего уже не видѣлъ и не слышалъ. Уткнувшись лицомъ въ сѣно, раскинутое на днѣ кошевы, онъ находился въ полуобморочномъ состояніи. Онъ ничего не сознавалъ и не понималъ. Страхъ парализовалъ его мозгъ, сковалъ его члены и привелъ въ какой-то ужасный столбнякъ.

Ямщикъ уже не кричалъ, а едва слышно хрипѣлъ, повторяя одно и то же:

— Милые, выручайте!.. Голубчики, выручайте!

Нервная судорога сдавливала ему горло. Онъ холодѣлъ отъ одной мысли попасть на зубы хищникамъ. Страшная смерть казалась ямщику неотвратимою, если не смируется Всевышній надъ несчастными.. Надежда на помощь свыше мелькнула въ воспаленномъ мозгу ямщика молніей и тотчасъ же потухла.